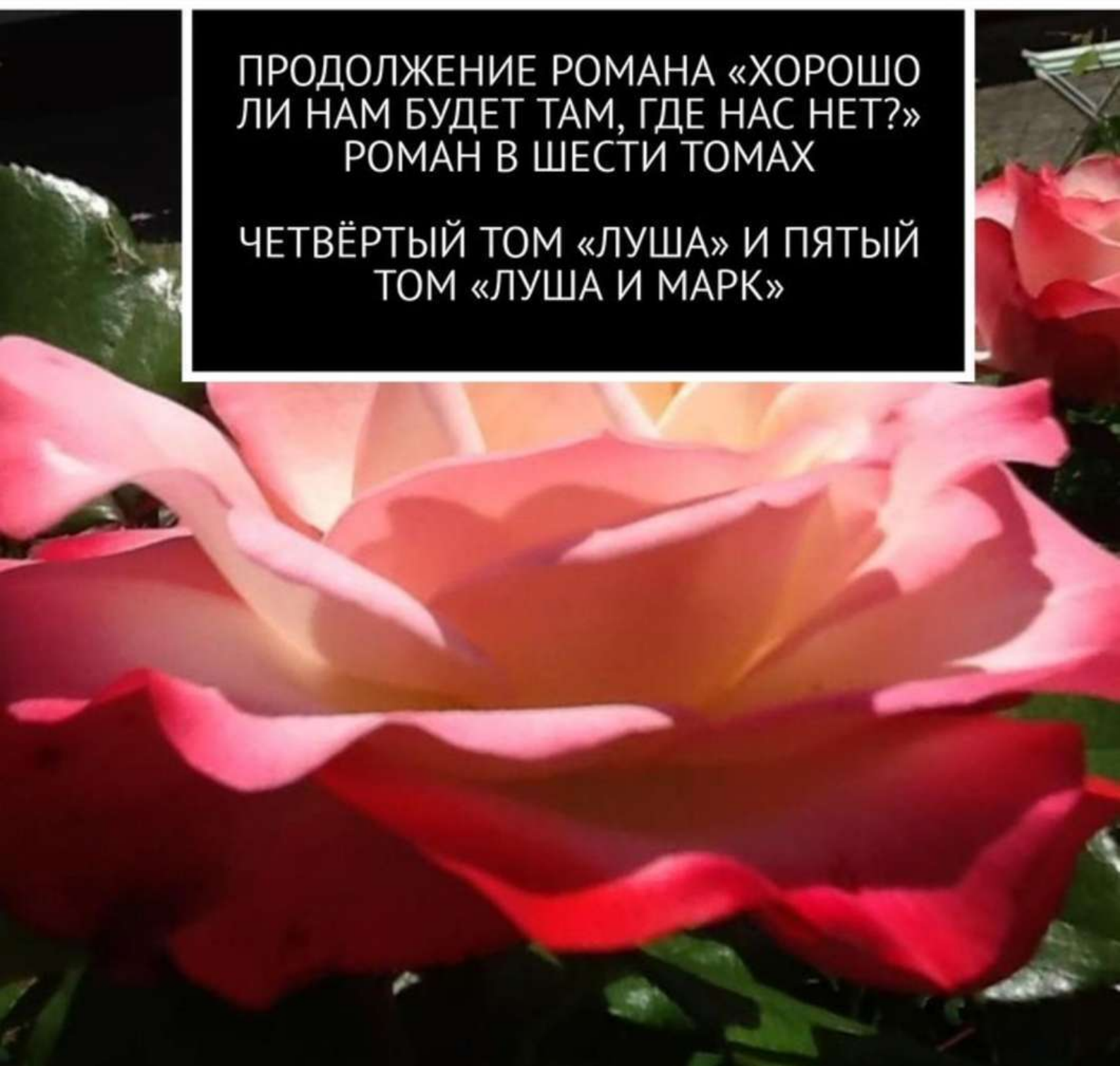

ЛУКЕРЬЯ САЙЛЕР

Луша

ПРОДОЛЖЕНИЕ РОМАНА «ХОРОШО
ЛИ НАМ БУДЕТ ТАМ, ГДЕ НАС НЕТ?»
РОМАН В ШЕСТИ ТОМАХ

ЧЕТВЁРТЫЙ ТОМ «ЛУША» И ПЯТЫЙ
ТОМ «ЛУША И МАРК»

Лукерья Сайлер

**Луша. Продолжение романа
«Хорошо ли нам будет там,
где нас нет?» Роман в шести
томах. Четвёртый том «Луша»
и пятый том «Луша и Марк»**

«Издательские решения»

Сайлер Л.

Луша. Продолжение романа «Хорошо ли нам будет там, где нас нет?» Роман в шести томах. Четвёртый том «Луша» и пятый том «Луша и Марк» / Л. Сайлер — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-981591-0

**НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД
ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ
УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.**

...Бесконечно много проблем затрагивает автор в своих произведениях. Но о чём бы ни писала Лукерья Сайлер, всегда у неё на первом месте Душа, Создатель, Человек. Главной очистительной силой от всех недостатков, от грязи душевной, она видит Любовь. Любовь чистая и священная побеждает у неё всегда и в любой ситуации... (Виктор Ваймер)

ISBN 978-5-44-981591-0

© Сайлер Л.
© Издательские решения

Луша

Продолжение романа «Хорошо ли нам будет там, где нас нет?» Роман в шести томах. Четвёртый том «Луша» и пятый том «Луша и Марк»»

Лукерья Сайлер

© Лукерья Сайлер, 2020

ISBN 978-5-4498-1591-0 (т. 4,5)

ISBN 978-5-4498-0517-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Лукерья Сайлер-Мария Трубина

Луша

продолжение романа

Хорошо ли нам будет там, где нас нет?

Роман в шести томах

Четвёртый том «Луша» и пятый том «Луша и Марк»»

издаётся на русском языке

Четвёртый том «Луша»

Первая глава

Барбара Крах

Марк не уехал в Россию через полгода, как собирался и как сказал бабе Эмме. Дела его сложились так, что он вынужден был задержаться в Германии ещё на некоторое время. Не надеясь на то, что ему когда-нибудь придётся работать журналистом за границей, он даже не пытался писать и искать себе работу. Сразу же, после окончания шпрахкурсов, Марк уехал в Мюнхен. Там устроился на работу в частную фирму грузчиком – уборщиком за 15 марок в час. Поселился он в маленькой гостинице на окраине города, хозяйкой которой была старая женщина – 80-ти лет. Она одна содержала эту гостиницу из 8 комнат, по два места в каждой, и не только содержала, но и выполняла все в ней работы. Звали хозяйку госпожа Барбара Крах.

Марк решил остановиться в этой гостинице на время, пока не найдёт подходящего для себя жилья. Работать в фирме он должен был, с 8 до 17 ч., но на самом деле приходилось задерживаться до 21—22 часов. За переработанные часы шеф платил ему по 10 марок в час «в конверте». В субботу и воскресенье фирма не работала, и для Марка эти дни были свободными.

Однажды, придя в гостиницу, он увидел, как госпожа Крах одна передвигает ёмкости, наполненные мусором. Марк помог ей. После этого они сели на лавочку возле дома, и хозяйка стала расспрашивать его: откуда он приехал, где работает. Узнав, что Марк из России, она сказала:

– Да, я много слышала о России от своего мужа. Он был там 4 года в плену.

До самой смерти вспоминал русских добрым словом. Рудольф, так звали моего мужа, рассказывал о том, как русские женщины спасли его, не дали умереть от голода и холода. Всегда он удивлялся этим людям: «Сколько Гитлер горя им принёс, почти всё разрушил в их стране,

а они не озлобились; жалостливые они, если на них с ружьём и палкой не идёшь». – Да, да всегда он удивлялся русским, потом, через 25 лет – после войны, ездил в Россию по туристической путёвке. Приехал и говорит: «Если бы я не видел, что было с Россией в 1945 году – не поверил. Следов от войны не осталось, только памятники о ней напоминают, такую огромную работу выполнили русские, всё восстановили и много нового настроили». Уважал Рудольф русских. А что там сейчас-то происходит, почему все уезжают из России? Революция, Гражданская война, что ли снова? Раньше многие старались уехать в Россию. Богатая очень она, говорят, и люди там доброжелательные живут, беззлобные. Я сейчас редко смотрю телевизор, газеты вообще не читаю. После того как Рудольф умер, год назад, очень много работы стало. С утра до вечера всё одна делаю. Дочь и внук есть, но они живут в Канаде. Не хотят сюда ехать, а я к ним не хочу. Бросить всё не могу. Мне кажется, перестану работать – умру сразу же, а хочется ещё пожить, хоть и старая. В любом возрасте умирать не хочется. Мне уже 80 лет исполнилось в том году.

– Моей бабушке тоже в 2000 году 80 лет.

– Целый век почти прошёл. Войны пережили, голод и бедность послевоенную. В Германии после войны тоже было ох, как трудно. Не дай Бог, кому, когда-нибудь это испытать ещё раз. Ну что там, в России, сейчас происходит?

– Очередная разруха под названием «Перестройка». От последней Мировой войны она тем отличается, что разрушают её и грабят руками самих же русских под смех и хохот всего народа над собой. Госпожа Крах недоумённо посмотрела на Марка, не поняв смысла его слов. Она отнесла это на не очень хорошее знание Марком немецкого языка и спросила:

– Что вы сказали, я не поняла?

– Я не могу по-другому объяснить этого, только могу сказать, что эта Перестройка хуже, чем война и революция вместе взятые.

– А-а, да, да, теперь я понимаю, снова грабят и убивают?

– Да убивают, несколькими способами: первый – организовывают войны на Кавказе, второй – заказывают убийства (заказными убийствами), третий – наркотиками и водкой.

– Но в России очень крепкую водку пьют и сразу много – целый стакан. Да, да, Рудольф говорил, что женщины не пьют совсем, а мужчины целый-целый стакан пьют, за один раз, а потом огурец и хлеб нюхают и почему-то мало пьянеют. Рудольф рассказывал, что тоже один раз попробовал выпить целый стакан русского шнапса. Не ел огурец и хлеб, а нюхал. Он говорил, что потом чуть не умер – сильно болел. Но всё равно, старый мой,пил русскую водку. Не большими, конечно, стаканами, а маленькой рюмкой и всегда нюхал сначала еду, а потом ел. Научился. Водка у меня и сейчас есть.

– В настоящее время в России пьют многие водку: и мужчины, и женщины, и уже не нюхают еду, а сразу едят, а нюхают они наркотики.

– О, о! – Это очень плохо – это очень большая беда для всех людей. В Германии тоже много стало наркоманов среди молодых – просто беда. Да, да, это очень большая беда для всех, огромное социальное зло, с которым очень трудно бороться. Его можно победить только в том случае, если все страны в мире объединятся и примут единый закон по борьбе с ним. – Госпожа Крах глубоко вздохнула, спросила. – Как долго Вы собираетесь жить у меня? Женаты Вы? Имеете ли детей?

– Был женат, имею двух дочерей. Они остались в России. Буду жить у Вас пока не найду себе недорогое жильё.

– Вы один в Германии?

– Нет, мои родители здесь, бабушка, почти все родственники. В России осталась немногие и моя семья. Мы с женой разошлись.

– Да, очень жаль, когда у молодых не получается совместная жизнь. Мы с Рудольфом 50 лет прожили вместе.

- Да, это очень много. Я ищу квартиру для себя одного.
- В Мюнхене жильё очень дорогое.
- Да, я знаю.

Так они разговаривали теплым летним вечером, сидя на лавочке под большими кронами деревьев.

– Вы в следующий раз не двигайте сами контейнеры с мусором, позовите меня, я Вам помогу.

– Спасибо, спасибо, позову. Почему-то, они для меня сейчас стали тяжёлыми, – улыбаясь, сказала старая женщина.

На другой день, вечером, госпожа Крах пришла к Марку в комнату, сказала:

– Я хочу сделать Вам предложение. Конечно, понимаю, что у Вас есть основная работа, но, может быть, Вас заинтересует то, что я Вам предложу. У меня на первом этаже есть небольшая комната, и Вы могли бы переехать туда и жить там. Платить мне за неё не надо, но Вы должны будете выполнять работу, которую я Вам сейчас скажу. Надо убирать мусор, сухие листья вокруг дома, приводить в порядок клумбы, обрезать деревья, вытаскивать и ставить на место мусорные контейнеры. Жильё в моей гостинице стоит 30 марок за 1 день. Я Вам предлагаю работать в неделю четырнадцать часов за 15 марок в час – это та сумма, которую Вы должны будете отработать за жильё. Если в течение недели Вы будете заняты на основной работе, то можно работает в выходные дни.

– Спасибо. Я Вам очень благодарен и согласен с Вашим предложением, – сказал Марк.

В последствии так и получилось: за неделю Марк успевал в гостинице работать не больше 5—7 часов, а остальное время отработывал в субботу. У него оставался только один выходной – воскресенье.

Предложение госпожи Крах было для него таким, о котором он даже не мечтал. Квартира, в которую он переехал была маленькой, но очень уютной, с душем, туалетом с встреченной новой кухонной мебелью, электрическими приборами.

Зарабатывая на основной работе – 2500 марок, он тратил на еду, бензин, кредит за машину 1000 марок. У него оставалось 1500 марок «чистыми». Квартиру оплачивал работой у госпожи Крах. Мысль, появившаяся у него тогда, когда он поселился в Германию, поехать в Россию через два года, не покидала его никогда. Надо было заработать денег. Там остались Луша и дети. Он не переставал о них думать, и экономил деньги для поездки в Россию.

О жизни своей бывшей семьи Марк узнавал от матери Луши. Он очень часто звонил ей. Луша отказалась от элементов, дав ему разрешение на выезд в Германию, но Марк всегда, когда появлялась возможность, передавал деньги в Россию для детей, на имя её матери.

Самым тяжёлым временем в Германии для Марка были первые полгода, пока он жил в общежитии и посещал курсы немецкого языка. Воспоминания о прошлой жизни, связанные с Лушей и детьми, не давали ему покоя. Он несколько раз пробовал напиться, вопреки своим убеждениям и принципам: «Пьют только люди слабовольные, не ценящие тот промежуток времени в Вечности, которым их одарила природа», но это не помогало ему. Жизнь, как говорят, не баловала Марка, но он никогда не злоупотреблял спиртным и не находил в опьянении успокоения, а только приобретал головную боль, раздражение и злость на себя самого за потерянное время.

Время ценить он был научён с детства. Любимой поговоркой его бабушки, по матери, была: «Самый мудрый человек тот, кого больше всего раздражает потеря времени». Марк тоже повторял эти слова в нужный момент и добавлял при этом: «Так говорит моя бабушка».

Однажды, учитель литературы, услышав от него эти слова, спросил: «А когда жила твоя бабушка?»

– Почему жила? Она и сейчас живёт, и ещё работает в школе учителем немецкого языка, – сказал Марк.

– В таком случае она, наверное знает, что это сказал ещё 1265 – 1321 году Аи́гьери Данте.
– Да, да, может быть. Я не разу не слышал, чтобы бабушка говорила, что это она сказала, но повторяет эти слова она очень часто.

Бабушка Марка была необыкновенно доброй женщиной.

Он почти все летние каникулы проводил у неё, в посёлке Николаевка, на берегу Волги, не далеко от Ульяновска, где она жила и работала в школе. Бабушка не бранила его за шалости, не ограничивала во времени вечерних прогулок, но всегда ставила ему условия: «если ты прочитаешь эту книгу», то пожалуйста, делай что хочешь. Сначала не хотелось читать, но со временем – это стало одним из любимых его занятием. Не где Марк так много не читал, как у бабушки в деревне. Она не говорила больших, долгих, нудных речей, их разговор всегда заканчивалась фразой из высказывания кого-то из знаменитых людей. Авторов она не называла, но говорила всегда: «Так сказал кто-то, из очень умных», или «так говорят умные люди».

Цитаты, которыми пользовалась его бабушка, особенно часто, он запомнил на всю жизнь.

«Поступки – плоды помыслов. Будут разумные помыслы, будут хорошие поступки».
«Возможные горести превратить в радость – значит, уметь жить». Эти фразы приходили ему на ум в Германии особенно часто.

Только благодаря бабушке Марк научился логически, чётко выражать свои мысли и улавливать главное в разговоре с другими людьми. Это же, помогло ему с отличием окончить школу, поступить в университет и получить профессию журналиста. Любовь к чтению, привитая ему бабушкой с детства, осталась с ним на всю жизнь. Он научился читать очень быстро, и мог прочесть книгу в 200—300 листов за день.

Заглушать боль в своей душе Марк мог чтением и тем, что выматывал своё тело физическими упражнениями и спортивными занятиями. Ещё с ранних лет он начал заниматься спортом; сначала плаваньем, затем спортивной борьбой.

«Умей жить и тогда, когда жизнь становится невыносимой». Как это легко сказать, но как это трудно сделать, когда после относительно удачливого периода в жизни, вдруг наступает другой период – полный неудач. Как трудно пережить, а потом успокоить себя после разочарования в людях, разрыва с семьёй, с родными местами, где родился, вырос, учился, любил. Слова даже, если они угадывают время и совпадают с событиями в твоей жизни, они – только слова, а жизнь – это сегодняшние поступки и действия, которые человек соотносит к словам, сказанным умными и опытными людьми, прожившими своё время когда-то.

Жизнь так устроена, что даже если сам знаешь, как правильно поступить, или так, как советуют умные люди, всё же происходящее зависит от событий и обстоятельств, происходивших вокруг тебя в тот момент, в котором ты живёшь.

Но слава тому человеку, который, совершая свои поступки, всегда учитывает опыт и знания умных людей.

Вторая глава

Венеция

Марк с детства мечтал побывать в Венеции, о которой много упоминалось в русской литературе.

Получив отпуск в фирме и у госпожи Крах, он на своей машине поехал в Италию. Из-за этого ему пришлось отложить поездку в Россию на более позднее время.

Марк остановился в одном из курортных городов Италии – Валентина, на берегу Адриатического моря, и расположился на кемпинге (место, где можно ночевать в палатке или в машине).

Венеция – необыкновенный город на воде, удивил Марка своей красотой.

«Сколько написано о нём, сколько сложено песен и стихов, а сколько людей поразил он своей величественной архитектурой! – подумал он. – И я вот, тоже имею возможность побы-

вать здесь. Если бы мои девчонки были со мной». Он вспомнил, как они мечтали, когда-то с Лушей съездить в Италию.

Весь день Марк провёл в Венеции: бродил по городу, катался на лодке по водяным улицам, ел несколько раз пиццу из рук итальянских поваров, прославивших этот пирог на весь мир.

Вернувшись к кемпингу, он увидел на капоте своей машины детскую панамку. «Интересно, кто это у меня в гостях?» – подумал он и услышал за спиной детский голос на русском языке.

– Это моя шапка.

Повернувшись, Марк увидел мальчика, примерно 5 – 6 лет, который стоял и смотрел на него исподлобья, засунув руки в карманы коротеньких шорт.

– А что она делает на моей машине? – спросил Марк.

– Ничего, просто лежит.

– Она тоже умеет так хорошо говорить по-русски, как ты?

– Нет, она не умеет разговаривать никак.

– Интересно, а как она сюда попала, ты не знаешь?

Он взял панамку, повесил на указательный палец и стал легонько покручивать её другой рукой.

– Это я её туда положил и забыл забрать, просто подумал: пусть полежит.

Марк задавал вопросы серьёзно, смотря на мальчика смеющимися глазами.

– Артур, что случилось? – услышал Марк женский голос с соседнего участка. – Виктор, сходи заведи его.

– Это мои – мама и папа. Маму зовут Римма, а папу – Витя, меня Артур, а Вас как?

– Меня Марк.

– Вы давно сюда приехали?

– Вчера.

М... м... А мы три дня назад. Купили другую машину, БМВ, тоже старую, но лучше чем у нас была. Эта, просто класс!!!

Подожёл отец Артура, поздоровавшись, сказал, обращаясь к мальчику:

– Ты, конечно, уже познакомился с соседом? Он протянул Марку руку, представился. Следом, подошла его жена; они тоже познакомились и были заданы вопросы, которые задаются переселенцами друг другу при первой встрече: «Когда выехали из России? Откуда? Где работаете?».

Виктор и Римма приехали в Германию из Казахстана два года назад и жили сейчас в городе Швандорфе; оба нашли работу на одном предприятии, правда, как и все, в основном, переселенцы, не по специальности – на конвейере, но они были очень довольные своей работой.

– Заработок стабильный, нет переработанных часов, два выходных, предприятие государственное наполовину – всегда порядок, ездим на работу на одной машине. Не всем нашим так везёт, – сказал Виктор.

Вечером новые знакомые пригласили Марка к своему костру.

– Мы были здесь в прошлом году, нам это место понравилось: кемпинги недорогие, море рядом, Венеция недалеко, – сказала Римма. – Необыкновенный город, не правда ли?! А мы в нём заблудились в прошлом году. Решили пройтись по узким старинным улочкам и попали в глухой безлюдный район. Старые дома, окна закрытые и тишина – ни машин, ни людей. Удивило нас это очень. Вы давно были в России?

– Ещё ни разу, как уехал. Собираюсь.

– А нам не к кому туда даже в гости съездить. Все наши родственники жили в Казахстане, и все сейчас в Германии. Мы уезжали последними. Ни одного родственника в России не осталось – ни с его стороны, ни с моей. – Наш посёлок был большой, из 360 усадеб, в основном,

немецкие семьи жили. За последнее время, с 1990 года, немцы уехали почти все в Германию, а русские – в Россию. Посёлка не стало: магазины закрыли, скот на фермах зарезали, поля заросли травой, школу тоже, говорят, закрыли. Дома хорошие, добротные были, столько труда в них люди вложили!.. За копейки продавали казахам или вообще закрывали, забивали окна и двери и уезжали. Сейчас о России узнаем только из газет да от знакомых.

Приехав в Германию, Марк умышленно перестал интересоваться происходящими событиями в России, особенно политическими. Он даже не принимал участия в обсуждении их с родственниками и знакомыми. Через некоторое время ему понравилось это состояние – не быть в курсе происходивших событий в России. Появилась возможность спокойно осмыслить то, что он знал, и то, что было им самим написано. В это же время Марк по-настоящему осознал, как вредна сегодня в России, для её народов, та информация, которая грязной лавиной, выливается на их головы через средства массовой информации, какой страх она вызывает у них перед жизнью, перед будущим. Он, проанализировав всё, что с ним произошло; ужаснулся от понимания того, как вершилась Перестройка. Через средства массовой информации, по специальной программе, чётко организованной кем-то обрушилась она на голову людей, а он как журналист, как гражданин этой страны, был втянут в «запудривание мозгов» и в создание той ситуации, которая сегодня там возникла.

Прочитав все свои статьи, написанные раньше о российских перестроечных событиях, он пришёл в ужас, осознавая то, каким же он был орудием в чьих-то руках, не подозревая даже этого. Будучи убежденным, в своей прогрессивности в борьбе за будущую красивую богатую жизнь России на американский -капиталистический лад, он просто попал в сеть тонкой и большой информационной паутины, в которой не смог стать её частью, и запутался в ней, как в сетях.

Виктор с Риммой оказались интересными, начитанными людьми и были в курсе всех событий, которые происходили в России. Марк с удовольствием слушал их рассуждения, мнения о политических событиях в мире, понимая, что они искусно сформированы средствами массовой информации и выражали точку зрения такую, какую им надо. Всю неделю Марк провёл в кругу своих новых знакомых: днём на море, а вечером в кафе или в ресторане. Виктор почти не расставался с газетами на русском языке, издаваемыми в Германии:

– Газеты продаются у нас в русском магазине, хочешь почитать? Забирай, мы с Риммой их прочитали, назад всё равно не пове-зём, – сказал Виктор перед отъездом.

Газет было много. Марк стал читать. И у него впервые за последнее время появился интерес прочитать всё, что пишут в этот момент русские немцы о Германии, о России. К написанному в газетах своими коллегами, Марк сейчас относился совсем по-другому, не так, как два года назад. Он воспринимал информацию, чётко осознавая и понимая метод работы с подсознанием людей. Подборка информации в газетах почти во всех велась с учётом влияния на сознание читателей через подсознание.

В это же время, он подумал: «Я снова могу писать, но уже не так, как писал раньше. И я клянусь всеми святыми, что никогда не буду работать с подсознанием людей, пользуясь их доверием! Я могу выбрать любую тему и писать о ней. Слава Богу! Я снова хочу писать, Слава Богу! Слава Богу!» – повторял он, лёжа на песке в Италии на берегу Адриатического моря.

Третья глава

Возвращение в Россию

Марк поехал в Россию на своей машине, немецкой марки «Аудио», которую купил в кредит.

Проехав три границы: Германия—Чехия, Чехия—Словакия, Словакия-Украина, он въехал на Украину и сразу же ощутил это по качеству дорог. Была весна. Марк уезжал из Германии в дождливую, пасмурную погоду, а через день ехал па тёплой Украинской земле, где, по словам

местных жителей, две недели пекло солнце, как летом, да так, что начали зацветать деревья, кустарники, за зелётели луга и поля..

Ехать в Россию из Германии можно было несколькими путями: через Польшу, Австрию, Словакию. Пути эти, как известно, если они в Российскую сторону, всегда ведут в Москву. Марку же, надо было в Ульяновск, где осталась его бывшая семья, где он родился, вырос и жил до того времени, как уехать в Германию. Переночевав в Днепропетровске одну ночь у своих дальних родственников, Марк снова был в пути. Подъезжая к Ульяновской области, он решил сначала заехать в Николаевку – посёлок, где жили родители его бывшей жены и когда-то жила бабушка, выросла его мать. В этом посёлке Марк проводил почти все свои школьные каникулы и здесь он познакомился с Лушей.

В Николаевке находились могилы: бабушки и не родного деда – Фридриха. Родной дедушка Марка погиб на войне, а дед Фридрих умер ещё в шестидесятых годах; бабушка умерла перед отъездом их семьи в Германию. Дом, в котором она жила, сразу же после её смерти, продали; но всегда, когда Марк приезжал в Николаевку, он останавливался возле её дома.

Он свернул с автострады, которая была сравнительно хорошего качества, и выехал на грубо асфальтированную дорогу, с плохо уложенным бетоном, с буграми и выбоинами. Похоже было, что она не ремонтировалась с начала Перестройки. Сбавив скорость, Марк подъезжал к родным местам: злился на бездорожье и даже ворчал, жалея машину, но потом привык, и когда въезжал в посёлок, то его мысли уже были не о российских дорогах, а о том, как он сейчас приедет к Софии Игнатьевне и Виктору Владимировичу – родителям Луши и как их ему теперь называть. Раньше Марк называл их: мамой, папой и Луша тоже называла его родителей так же. Не для него, не для неё, в своё время, не возникло проблем по этому поводу. Сейчас же, после развода, в письмах и по телефону, он продолжал их называть по-прежнему, но всегда при этом чувствовал неловкость. Назвать же родителей Луши по-другому он не мог, да и это означало обидеть их. Они не допускали мысли, что у них будет другой зять. Как однажды сказала Софья Игнатьевна: «У нас не может быть уже другого зятя. Мужей Лукерья пусть меняет – её на это воля, но зять у нас один».

Родители поддерживали связь с Марком: писали ему письма, разговаривали по телефону, передавали от него Луше деньги. Выехав из Германии, Марк не сообщил им, что едет в Россию, и сейчас предчувствовал, какой для них это будет приятной неожиданностью.

Он подъехал к посёлку уже тогда, когда стемнело. В домах и на столбах горел свет.

Проезжая мимо бабушкиного дома, Марк остановил машину на обочине дороги, напротив. Было видно в окна, через закрытые шторы, что кто-то ходил. Во всех комнатах, и на террасе горел свет. Постояв несколько минут, он поехал дальше. Возле дома Лушиных родителей Марк поставил машину передом, почти вплотную к воротам. Залаяла собака. Дверь в доме отворилась. Марк увидел Софью Игнатьевну, вышедшую на крыльцо, накидывающую на плечи пуховой платок. Прицепив пса, она открыла ворота. Увидев Марка, вскрикнула:

– Господи! Марк! Какая радость! Не позвонил-то почему? Это так неожиданно, мы не ждали, не гадали! – она обняла его. – Какая радость! – отец подрабатывает сторожем, только недавно ушёл на работу. Лукерья-то вчера приехала с девочками, привезла их на весенние каникулы, – прошептала она ему на ухо.

Марк не предполагал здесь встретиться с Лушей и детьми. Ничего не сказав, он только крепко сжал руку Софьи Игнатьевны, в глазах которой стояли слёзы и радость.

Они пошли в дом. Софья Игнатьевна снова прошептала:

– Я позову Лушу. Она на летней кухне. Как приехала, и всё что-то пишет, и пишет. Вчера до глубокой ночи просидела и сегодня, девчонок уложила спать, и снова пишет. Свет горит у неё, значит, еще работает, там же она и спит. Девчонки в её комнате.

Марк посмотрел ей в глаза, взяв её за руку, отрицательно покачал головой.

– Ну, хорошо, сам позовёшь, пошли к девчонкам.

Дочери спали на двухспальной кровати, где когда-то спали Луша с Марком.

– Не надо их будить, – сказал Марк, – я посижу возле них так.

Он погладил их по головкам, улыбаясь и любуясь ими. Они были, как две капли, похожие друг на друга.

– Выросли? – шёпотом спросила Софья Игнатьевна.

– Да, конечно, изменились... Волосы стали длиннее.

– Да, Луша и Ольга заплетают их каждое утро. Красавицы, и ещё больше на тебя походить стали. Мальчишки, тоже подросли.

– Да, да я знаю, Вы писали.

– Деньги, которые ты в последний раз отправил – 500 ДМ, я Луше отдала, она девчонок одела с ног до головы, полущёпотом сказала Софья Игнатьевна, – его-то деньги она на них ни копейки, принципиально, не тратит. Он их, вроде бы, не обижает, только они его не воспринимают как отца и не называют никак. Луша-то совсем плохо с ним живёт. Ольга говорит, что его дома почти не бывает, и они месяцами не разговаривают. А она-то... горе моё, сама молчит, ничего не говорит, как каменная стала. Спросишь что, обязательно скажет: «У меня всё хорошо, я на судьбу не обижаюсь, если мне суждено так жить, значит, по-другому я жить не буду. Самое главное в моей жизни – это дети. Они есть, они здоровы, а что мне ещё надо от жизни? – Ничего не надо больше».

Работает на телестудии, передачу ведёт. Каждую пятницу показывают её по местному телевидению. Ну, всё сам увидишь. Ты где собираешься жить? Надолго приехал?

– Не знаю, мама, – сказал Марк, обняв тещу за плечи. Она ему сейчас казалось такой родной и близкой. – Если можно, я пойду на летнюю кухню, а вы пожалуйста, возьмите сумки из багажника. Всей роднёй собирали меня – всё вам и детям – мой только один черный чемодан.

– Да, конечно. И я поставлю чай, приготовлю ужин, иди позови её.

– Спасибо. Не надо; я в восемь часов заезжал в кафе, поел.

– Чай попьём. Я постелю тебе здесь, – она показала на диван в зале.

– Хорошо, спасибо.

Марк подошёл к двери летней кухне, остановился.

Сердце его сильно билось: «Как она встретит меня? О чём она сейчас думает? Какой она стала?» – думал он, крепко сжимая металлическую ручку двери. Марк открыл дверь. Луша сидела на разобранном диване, прижавшись спиной к стене и держа на коленях тетрадь. Она что-то писала в ней, а рядом лежали исписанные листы бумаги, увидев его, она как бы оцепенела, а потом соскочила с дивана, взявшись обеими руками за спинку стула, стоявшего рядом.

– Здравствуй, – сказал Марк.

Она молчала, продолжая удивлено смотреть, на него.

Какой—то момент, они оба молчали, смотря друг другу в глаза.

Луша не изменилась, такая же красивая: огромные глаза, пышные волосы, стройная фигура, нежная кожа.

Марк пошёл к ней, Луша сделала шаг назад, прижалась спиной к стене, отгораживаясь от него стулом, отрицательно качая головой, произнесла дрожащим голосом:

– Это неправда, я не верю. Так не бывает.

Он положил руку на спинку стула, между её руками, потянул к себе. Она не выпускала его, продолжая отрицательно качать головой, в глазах у неё стояли слёзы.

Марк резко, с силой потянул стул на себя, отбросив его с шумом назад, взял Лушу за плечи, провёл руками по шее, по голове, поднимая её красивые волосы вверх, очень тихо сказал:

– Это правда. И так бывает, коль это есть сейчас.

Она отвернула от него голову, отвела в сторону взгляд, стояла, прижавшись к стене спиной, крепко сжимая кулаки.

Марк взял её кулаки в свои руки, прижал к своим щекам. Ему так сейчас хотелось ощутить тепло её ладоней на своём лице, как это было раньше. Если они ссорились или не виделись долго, Луша всегда первая брала его лицо в свои ладони и целовала, осыпая быстрыми поцелуями, тихонька смеясь. Марк так часто это вспоминал.

Сейчас он ощущал на своих щеках её крепко сжатые кулаки. Прижимая их к своим губам, стал целовать, не сводя с неё своего радостного взгляда.

Он сам разжал Лушины кулаки и прижал ладони к своим щекам, почувствовав, знакомую до боли, теплоту её рук. Из Лушиных глаз потекли слёзы. Марк обнял её, прошептал:

– Всегда любил, люблю и буду любить до конца дней своей жизни.

Марк и Луша не уснули в эту ночь. Они не говорили ни о чём, а только ласкали и ласкали друг друга, осыпая поцелуями. Уже рассвело, в доме хлопнула входная дверь.

– Мама идёт доить корову, – прошептала Луша.

Натягивая на неё одеяло и закрывая её с головой, он так же тихо смеясь, сказал:

– Я ей не покажу тебя, скажу, что я тут один всю ночь спал.

Она обхватила его тело под одеялом обеими руками, и, крепко прижавшись к нему, тихо засмеялась. Когда мать вошла, они притворились спящими, отвернувшись к стене, она взяла подойник, хлеб корове и вышла.

Завтракали уже поздно, в 9 часов утра, когда вернулся с дежурства Виктор Владимирович. Проснулись девочки. Увидев Марка, они повисли у него на шее, обнимая и целуя, и уже не отходили от него не на минутку.

– Мне надо ехать сегодня, – сказала Луша

– Я увезу тебя.

– Нет, я уеду на электричке.

– Мы должны всё решить сейчас. Я хочу забрать тебя с детьми с собой в Германию.

– Да, должны что-то решить, но только то, что приемлемо для всех, прежде всего, для детей, а их у меня четверо.

– Я понимаю и сделаю всё, чтобы вернуть тебя. Если у тебя будет десять детей – заберу вместе с ними. Луша освободилась из его объятий, отошла к окну.

– Всё это мечты, а жизнь есть жизнь. Когда-то мы разрушили то, что сейчас нам надо собрать и склеить.

Марк подошёл к ней, обняв, сказал:

– Мы не разрушили главного, то на чём и вокруг чего всё создавалось, и ты это знаешь. А так же, ты знаешь, что не ты, не я с другими уже не сможем создать, даже немного похожую на нашу, совместную жизнь, такую, которая была у нас. Это значит, что жизнь наша пройдёт тускло и безрадостно. Кроме этого, мы будем создавать для других жизнь тусклую и безрадостную, в том числе и для наших детей.

– Мне всегда казалось, что могу всё, если захочу, и я это доказала своей жизнью себе и всем. Не могу ответить подлостью на подлость, на хамство хамством, на жестокость жестокостью. Ты даже не можешь себе представить, с какими людьми мне пришлось встретиться, в каком обществе я побывала, и кем сейчас стал... – она замолчала. Глубоко вздохнув, проговорила, – не знаю как с этим бороться и чем противостоять... Я хотела развестись с ним ещё год назад, но он сказал, что если я это сделаю, заберёт у меня детей. Если же уйду к тебе, то увижу твою смерть своими глазами, в любом уголке земли и в Германии тоже.

– Какая дикость! Надо же, как напугал! Как страшно! – проговорил Марк, смеясь.

– Ты напрасно смеёшься. Два года, пока тебя здесь не было, он очень изменился. Я сама не знала о нём ничего, кроме того, что он открыл бюро по охране предпринимателей от рэкета, воров, вымогателей. Что за этим бюро кроется, я узнала год назад, тогда и решила уйти от него.

Вот тогда-то... он мне и сказал, что не отпустит меня теперь по двум причинам: потому что любит, и потому что я много знаю. Я научилась всего добиваться и достигать желаемого в том обществе, где в конечном итоге побеждает добро, но сейчас в России побеждает тот, кто имеет деньги, власть и, значит, силу. Все добрые помыслы уничтожаются на корню – перекрываются деньгами. Среди таких людей мне совершенно не за что зацепиться. То, что он меня любит, наверное, это правда, и особенно за то, что со мною не стыдно появиться в людях, однажды сказал: «не у кого такой нет». Я уже всё передумала и решила: остаться жить так, как живу. Ради тех, кто мне дорог. Я должна пожертвовать собой. Самая главная моя задача – это вырастить детей и чтобы у тебя всё было хорошо.

– Без тебя и детей?.. Да, ты права, прежде всего, мы должны подумать о детях, а потом о себе. Но я уже тебе сказал, что мы не сможем создать для них условия для жизни, где будет царить любовь и уважение, где они будут иметь пример, как создать семью, а это значит, что полноценных людей мы не вырастим.

– Всё очень, очень сложно, Марк, очень. Ты даже не можешь себе представить, как это сложно. Речь сейчас идёт далеко не об этом, а о самом главном – о жизни и смерти. Тебе это трудно понять. Я бы хотела,

чтобы ты это понял, не соприкоснувшись с действительностью. Очень тебя прошу: уехать назад, очень прошу! Если ты не уедешь, то будет очень много неприятностей, у нас у всех.

У него много врагов, но самым главным он считает тебя. Однажды, я видела, как он расстреливал твою фотографию, которая при нём случайно выпала из Алёнкиной книги.

Он подобрал её с пола, долго смотрел на неё, затем положил в карман и вышел. Примерно через месяц привёз меня в свою фирму, в тир, и стал тренироваться в стрельбе. Выстрелив все патроны из пистолета, принёс то, во что стрелял. Это оказалась твоя фотография, изрешечённая пулями. Положив её передо мной, сказал: «Если я его увижу когда-нибудь с тобой рядом, хотя бы раз, то сделаю с ним это».

– Ох, как страшно! – с иронией сказал Марк, – Я, кстати, тоже умею драться, и если ты помнишь, не сколько не хуже его. А это «панты». Я его хорошо знаю на убийство он не способен. А ты напугалась, да? Я только приехал, а ты меня уже назад отправляешь.

– Да, напугалась, потому что думаю, что все заказные убийства в нашем городе, в основном, проходят через его фирму. А ты говоришь, что знаешь все его способности.

– Значит, где-то перешагнул черту. Очень странно.

Марк знал о заказных убийствах, о расправах между собой преступных групп в России. В сегодняшние времена перестройки спорные дела решались «по понятиям». Сейчас, слушая Лушу, ему было трудно поверить в то, что это может коснуться его лично и его семьи.

Страх он не чувствовал и совсем не был намерен собрать свои вещички и быстро уехать назад в Германию, как советовала ему Луша. Всё, что она говорила, не вызывало у него страха за себя, а сейчас он ощущал только одно желание: вот так, держать её в своих объятиях и не выпускать никогда. «Не выпустить бы её из своих рук, как это уже сделал однажды, и потерять эту радость, которая сейчас в душе» – подумал он, – исчезнет эта радость, то на её место придут тоска, переживания, ожидания и борьба с самим собой, чтобы не скатиться в безделье, в безразличие ко всему, что происходит вокруг, не деградировать, остаться с человеческим лицом».

– Не уезжай сегодня, я прошу тебя, – попросил Марк, целуя её. Луша молчала, прижавшись к нему; в глазах стояли слёзы.

– Я прошу. Уедешь завтра рано утром, позвони. Она согласно кивнула головой.

После обеда Марк зашёл в летнюю кухню и увидел на столе аккуратно сложенную стопку исписанных листов. Наверху стопки лежала тетрадь, которая ещё вчера показалась ему знакомой.

Это был дневник, который они вместе когда-то начали писать, в первый год совместной жизни. Сначала писали о себе и для себя, как письма, потом, после того как родились дети, всё внимание было приковано к ним, как они росли, набирали вес, начали ходить, разговаривать. С 1992 года записей в дневнике не было до 1997 года. От последней до начала новой записи, сделанной Лушиной рукой, полстраницы было закрашено чёрной тушью.

«1997 год. Наступил новый год. Я и дети в деревне у мамы с папой. Тётя Оля тоже с нами. Ничего не жду хорошего от наступившего Нового года, только молю Бога, чтобы все, кого я люблю, были здоровы. Перебираю сейчас всех в памяти и желаю им добра. Я знаю, ты тоже это делаешь в Новый год. Это было нашим с тобой правилом, поздравить в мыслях всех тех, кого помним и любим, пожелать им счастья. Будь счастлив!»

Прочитав это, у Марка подступил комок к горлу. Он сжал кулаки. Ему хотелось завывать волком. «Как глупо, – прошептал Марк, – как глупо! – Если бы можно было вернуть то время».

Он помнил, как злость, обида, ревность бушевали в его уме и он не нашёл другого пути, кроме того, как пойти на разрыв. Ему в тот момент казалось, что другого выхода нет. Уже после, когда появилось возможность всё обдумать без эмоций, без злости, он нашёл много других способов разрешить свои проблемы. Марк понял, что безвыходных, тупиковых моментов не бывает, и что в каждой ситуации можно найти правильный выход «без разломов и разрывов». Есть болезненное воображение, ведущее человека в тупиковое состояние, в этот момент весь Ум упирается в одну точку и, как правило, она всегда оказывается моментом, когда свершается необдуманый поступок. Это потом уже, Марк пришёл к мысли, что в такой ситуации, надо на время уехать от того места, где заболело воображение «тупиком», сменить работу, но не крушить, то, что было выстроено для жизни. Не разрывать замкнувшимся вокруг тебя круг неудач, а выскользнуть из него и понаблюдать за этим твоим критическим, тупиковым моментом со стороны, и только потом принять решение.

Это понимание пришло к Марку потом, в Германии, тогда, когда он уже напринимал решений, как ему казалось, выходил из замкнутого круга неудач. Сейчас, прочитав запись Луши, сделанную ею 3 года назад, он ощутил тупую боль в своём сердце и ясное понимание того, что можно было сохранить семью.

С 1997 года дневник писала только Луша. Все эти годы она разговаривала с ним через дневник.

«25.03.99. – (последняя, вчерашняя дата)

Какой тёплый хороший вечер. Мне так давно не было так хорошо и спокойно. Уложила девочек спать. Весь вечер они расспрашивали о тебе, смотрели фотографии. Здесь мы всегда говорим о тебе свободно, много и здесь я разговариваю с тобой через этот дневник. Это бывает так редко, но бывает и я рада, что имею такую возможность, хотя бы такую. Знаю нельзя жить прошлым – это плохо и грешно, а я и не живу прошлым, живу, как зомби, тем что даёт каждый следующий день, не сопротивляясь ничему, а только мне очень хорошо и тепло на душе, когда я здесь и могу вспоминать, думать о тебе. Почему мне так хорошо сегодня? Особенно хорошо! Тепло и радостно на сердце. Может быть, ты думаешь о нас? Что-то не даёт мне сегодня...»

Запись была не закончена.

Вошла Луша. Он не закрыл дневник, продолжал смотреть в него, не поднимая на неё глаз.

– Почему ты тогда не остановила меня?

– А ты бы остановился?

– Мне казалось, что ты не любишь меня. Предала, значит, не любишь.

– Я тебя не предавала никогда. Марк взял её за плечи, крепко сжал до боли.

– Зачем ты сейчас мне говоришь неправду? Скажи зачем? Ведь есть же доказательства – дети.

– Я не предавала тебя никогда. Это ты усомнился во мне. Поверил всем, но не мне. Предала не было. Была только ложь. Сплошная ложь.

– Ложь – это не предательство?

– Я не организовывала эту ложь. Она сделала свое дело. Потом и я была вынуждена лгать всем: тебе, ему, себе тоже. Ложь во спасение, есть и такое. В то время я думала не о себе, а в первую очередь о детях, которые были и которые должны были родиться. Вы же думали только о том, кому я достанусь. Как два быка вцепились друг в друга с одной мыслью – победить.

– О чём ты говоришь?! Кто дрался?! Кто, в кого вцепился?!

– Ты знаешь, о чём я говорю. Он победил тебя, но не потому, что силен, а потому, что моя злость на тебя и обида плескалась в то время через край. Ты не имел права так поступать со мной! Ты не имел права оставлять меня! Ты не имел права не верить мне! Я не могла даже себе представить, что в тебе может проснуться такой зверь: непримиримый, яростный, крушащий всё на своём пути. Для меня это было неожиданностью. За всё время, пока мы были вместе, до того, я не слышала от тебя плохого слова, и вдруг, – она говорила это дрожащим голосом, из глаз её градом текли слёзы. Марк держал её за руки выше локтя, крепко их сжимая.

– Ну, скажи же мне тогда правду сейчас.

– Правда в том, что дети, сыновья, твои.

– Что?! Что ты сказала?!

– Отпусти меня, мне больно.

– Поверишь ты в это или нет, не знаю, да и это не имеет большого значения. Ситуация сложная. Для меня сейчас главное то, чтобы прекратилась эта ложь, между мной и тобой – она измучила меня, не даёт мне покоя. Сейчас ты знаешь всё. Дети родились здесь, в нашей больнице, первого декабря. Я сама дописала в справку о рождении тройку – получилось тридцать первое – дата в ней была написана только цифрами, не знаю почему – так было – точнее я её подделала. Нехорошо это, но это так. В роддоме они зарегистрированы первого декабря, документы выданы на 31. Сообщили всем, что родились мальчишки – 31 декабря. Правду знают: мама, папа, тётя Оля, больше никто. Когда я рожала, Артёма в городе не было, он приехал только в январе к тому сроку, который я ему сказала. Так, вот получилось... Сообщили ему 31 декабря. Всё прошло гладко, как по маслу, не возникло ничего, чтобы эта ложь разрушилась.

– Зачем тебе это надо было делать, зачем?

– Зачем? Чтобы жить дальше. Я же уже тогда сказала тебе, что ребёнок должен родиться не твоим, а ему сказала, что ребёнок – его. А ты бы поверил мне тогда, три года назад?

Марк опустил на стул, обхватив голову руками, простонал.

– Что же мы наделали? Как же теперь нам всё это распутать?

– Распутать? Это невозможно. Ты должен выполнить мою просьбу – уехать.

– Спасибо, я уже однажды, даже дважды уехал. Теперь уже без вас не уеду никуда. Если нужно будет, останусь здесь навсегда.

– Ты так ничего и не понял.

Луша подошла к нему, прижала его голову к себе, сказала:

– Мне страшно умирать, когда ты рядом, и совсем нестрашно, когда тебя нет, и нет надежды, что ты будешь со мной, но мне ещё страшнее мысль о том, что наши дети останутся без нас. Когда я думаю о том, что могу оставить их сиротами, и что они могут попасть в то общество, в котором сейчас находится Артём, меня охватывает ужас и хочется вцепиться руками и зубами в любую соломинку, чтобы жить дальше.

– Мы же умные с тобой люди, неужели не сможем придумать что-то, что могло бы решить наши проблемы, цивилизованным способом? – спросил Антон.

– Ты давно не был в России. От цивилизации, в прежнем понятии, здесь избавлялись с самого начала Перестройки – ещё при тебе начали, сказав, что у нас её нет. Сегодня всё перестраивает, как бы, свобода, но это не она, а вседозволенность, беззаконие. И на этом что-то строится, но точно не цивилизация и даже не капитализм. На обломках бывшей советской цивилизации возвели такой беззаконный кошмар и ужас, название которому ещё, кажется,

не придумали. Дикий капитализм, по сравнению с ним, выглядит нераспустившимся бутончиком, а итальянская мафия – невинным младенцем. Сейчас «ЭТО» превращается ещё во что-то; награбленное одними, грабится другими у тех, кто награбил раньше. Безнравственность, жадность и безмозглость повсюду – как грязь с кровью течёт по всем страницам и перетекает в жизнь.

– Не может быть, что бы эти люди были умнее и хитрее нас.

– Они не умнее и не хитрее, у них сила в другом: жестокость, безнаказанность и деньги. Есть деньги – есть сила; нет денег – ты никто, или тебя просто среди них нет. Те, у кого нет денег, все работают за мизерную плату или вообще бесплатно на заводах, фабриках и так далее. Работают на эту незаконность, не осознанно, с одной единственной целью – выжить, сохранить свою жизнь и жизнь своих детей. Люди живут в страхе потерять работу, за которую не получают зарплату, живут как в заколдованном, замкнутом круге лжи, созданным нашими журналистами. Самое удивительное то, что сами мы – журналисты, в большинстве своём, тоже в этом круге. Руководят нами, через наше подсознание, специально подготовленные для перестроечных дел люди. Если кто-то из нас кричит настоящую правду, её переделывают в правдивость, как говорят у печатного станка, и она бьёт по сознанию людей, а от них, как бумеранг, отскакивает и прилетает к тем, кто хотел сказать правду, да так, что появляется мысль не трепыхаться, помолчать, прикрыть глаза.

Помнишь Ваню Журавчика – Журавлёнок – он так подписывал свои статьи, молодой паренёк, пришёл работать к нам после университета последним. Так он начал собственное расследования того, почему нет нигде правды о том, что зам прокурора города Светлого, был убит за то, что завёл дело на местного олигарха, а когда его попросили прекратить это дело, он рассказал об этом всему своему небольшому 25 тысячному городу. Ваня родился вырос в этом городе, и всех там знал. Да... нет Вани – сбила машина и не на смерть, а в больнице помогли умереть. Перед этим он принёс мне статью, в которой было описано убийство зам. Прокурора. То, что оно заказное, особо и доказывать-то не надо было, всем было понятно, но все дела были закрыты, а у Вани, как я поняла были те документы, которые перед своей смертью зам. прокурора, фамилия его – Смирном Юрий Дмитриевич, передал кому-то. Говорят, документы пропали.

Вот его статья, которую Ваня мне передал.

«Люди, не слушайте нас – выключите все радиоприёмники! Люди, не смотрите телепередачи – выключите телевизоры. Люди, не читайте газет и журналов – не покупайте их. Люди, уйдите с тех рабочих мест, где не платят вам зарплату – в один день, в один час. Сделайте это, и вы поймёте, что произошло с вашей стране, в кого превратили вас и продолжают превращать, те кто имеют власть над вашими умами. Этим самым вы выйдете, вырвитесь из искусственно созданного вокруг вас информационного круга лжи». «Против каждого яда – есть противоядие». Люди, вас в этой стране, за время перестройки, превращают в рабов, лишая социальных благ, возможности развиваться духовно и нравственно. Ваших детей отравляют наркотиками, убивают или превращают в жмотов, в смердиковых, в потенциальных преступников. И при всём при этом не произошло ни революций, ни войны. Задумайтесь над этим! Вы тоже можете, этим же методом, без революций и войн избавиться от рабства: выбейте из рук ваших поработителей то оружие, которым они вас поработят – заткните уши, закройте глаза, перестаньте работать там, где хотя бы один день не оплатили вашу работу. Сделайте это! Сразу же разрушится информационный замкнутый круг вокруг вас. Затем разрушится тот кошмар, который сегодня есть в вашем сознании. Кошмар этот имеет название – СТРАХ».

Да... вот такую Ваня статью мне передал. Понятно, что она останется в моём столе. Когда его похоронили, я показала её Артёму и сказала: вот возьму и скажу в эфире это – сколько успею. Надо было видеть, как он сбесился. Я никогда его такого не видела. Схватил меня прижал к стене, взял за горло и просто прорычал: «Не смей! Слышишь не смей даже думать об этом

деле с Журавлёнком! Оно такое... – даже я тебя не спасу. Ты похоронишь не только себя, но и меня с детьми рядом с тобой положат. Ты поняла меня!? – Пришлось согласиться. Потом извинился, но повторил вопрос: «Ты поняла меня?!»

– Давай я поговорю с ним по-мужски.

– Ты ничего не понял. Я же тебе всё объяснила.

– Ну почему ничего не понял. Всё понял: что он нагонял на тебя страх, пытаясь этим самым удержать возле себя. Это значит – другого способа не имеет.

Человек он не глупый, хоть и связал свою жизнь с отъявленными негодьями. То, что он убивает, очень трудно поверить. Если он перешагнул эту черту, то не только Ульяновская мафия, но и российская, разумеется, получила хорошего кадра, если нет – то есть надежда, что с ним можно договориться.

Луша сидела против Марка на диване, обхватив колени руками, положив на них подбородок, смотрела на него своими огромными карими глазами.

– Какие у тебя чудные глаза, – сказал он, – смотрел бы и смотрел в них. Жил всё это время как в тумане, как скованный. Такое чувство, что меня, после того, когда я его увидел у тебя, кто-то стал водить за ручку, как слепого, и при этом спутал руки и ноги.

– А ты изменился и сильно.

– Постарел?

– Нет. Возмужал и немного поправился.

– Да, есть маленько, брюки стал носить на размер больше. В последнее время злоупотреблял немецким пивом. Немцы очень хорошо его делают.

– Да, я слышала, но сама не пью.

– Также занимаешься танцами, гимнастикой.

– Нет, только аэробикой, и только дома, дети ещё маленькие, не хватает время, хотя тётя Оля всегда со мной, помогает. Вот и сейчас живёт с нами в новом доме.

– Да, я знаю от мамы, что Артём построил дом, и вы переехали жить в него.

– Переехали. Он такой огромный, у каждого своя комната, обставленная дорогой красивой мебелью, все полы коврами дорогими застелены, камин есть, сауна в подвале. Всё, как в лучших домах российских мафиозников. Ко всему этому охранник – садовник, сигнализация. Сам в доме бывает очень редко. Находится, в основном, в старой квартире; переделал её в гостиницу и офис. В новом доме тоже есть шикарный кабинет, оборудованный по всем современным олигархическим правилам – с библиотекой из новых, ещё не разу никем нечитанных книг.

Мне купил машину – девятку «Жигули». Сказал, что если научусь на этой ездить, купит «Мерседес». Я отказалась учиться, объяснила это тем, что боюсь водить машину и поэтому не буду. С ним езжу очень редко. На работу добираюсь на автобусе, всего одна остановка, или пешком, а в деревню приезжаем на электричке, не далеко до станции, доходим тоже пешком. У детей школа рядом.

– Ты жестоко наказала меня. Я не разу не видел мальчишек, если бы я знал, если бы я знал! Говорят, что они сильно похожи на тебя.

Луша отрицательно покачал головой.

– Нет. Волосы только белые – мои, а остальное всё твоё, глаза, чёрные брови. У нас с тобой цвет глаз одинаковый. Ты, наверное, не знаешь, потому, как не разу не видал, что ресницы и брови у меня такие же белые – белёсые, как волосы. Я крашу их в парикмахерской специальной краской с 12 лет.

– Ты шутишь? Да... Ну, если ты умудрилась, такое от меня скрыть...

– Нет, не шучу. Ты обо мне ещё много чего не знаешь, когда-нибудь я расскажу тебе всё.

– Ты хочешь рассказать мне ещё что-то, от чего у меня получится инфаркт? Сегодня ты это чуть не сделала. Мне казалось, что я так хорошо тебя знаю.

– Ты знаешь меня после 17 лет, а что было до... Мне пришлось много работать и много пережить. Ты даже не можешь себе представить, что мне пришлось сделать для того, чтобы... – она замолчала, прикусив нижнюю губу. Марк сел с ней рядом, одной рукой прижал её к себе.

– Скажи, я буду знать.

Не отвечая на его вопрос, Луша сказала:

– А мальчишки получились смешанные и очень симпатичные. С каждым днём лицом и характером всё больше начинают походить на тебя. Совсем недавно, тётя Оля спросила меня: «Что будем делать? Мужики-то растут и на Марка становятся похожими?»

– И что ты ответила?

– Скажем правду. Давай сделаем так: ты поживёшь здесь, не будешь появляться пока в Ульяновске, а я переговорю с Артёмом. Что будет – то будет. Скажу ему, что уйду от него и хочу уехать из Ульяновска.

– Чтобы уехать со мной в Германию, нужен официальный развод и его разрешение на вывоз детей. И я не могу жить здесь, когда вы там, совсем рядом. К тому же, хочу видеть мальчишек.

– Я серьёзно говорю. Ты должен понять, как это всё серьёзно.

– Ну, допустим, понимаю.

– Если ты понимаешь, то слушайся меня. Обещай.

– Не могу.

– Ты должен понимать и слушаться – должен! – голос её дрожал, и в глазах стояли слёзы. – Я прошу тебя.

– Хорошо, я обещаю, – тоже очень серьёзным голосом сказал Марк, прижимая её к себе.

– Если не хочешь оставаться здесь, то можешь пожить у тёти Оли в квартире. Она сейчас стоит пустой. Раньше там жили квартиранты, но вот уже два месяца, как съехали. Тётя Оля ищет других. Ты должен обещать, что не будешь появляться возле нас.

– Ты сейчас подала мне хорошую идею, попроситься в квартиранты к тёте Оле, а потом видно будет. Прикинусь, стареньким таким дяденькой, с седыми волосами, можно с бородкой и буду крутиться возле вас. Устроим ещё и кино из нашей жизни.

– Но, в любом случае, ты не должен появляться рядом с нами, – Луша заплакала.

– Вот опять ты плачешь. Всё будет хорошо, с «дяденькой» я пошутил. Пошли, погуляем, – предложил Марк. – Хочу посмотреть на Волгу.

– Хорошо, я сейчас соберусь, – сказала Луша

День был по-весеннему тёплый, но с Волги дул прохладный ветер. Марк с Лушей, обнявшись, шли по берегу вдоль могучей прекрасной русской реки.

– Вот она рядом, красавица Волга! – сказал Марк, остановившись, и смотря в даль. – А знает ли она о том, сколько говорят о ней в Германии, сколько пишут о ней?! Знает ли она о том, что вспоминают её русские немцы – там далеко-далеко от её берегов?

Пройдя по просёлочной дороге, вдоль реки, они свернули на тропинку, и вышли к крутому обрыву, на краю которого росли две берёзы. Одна была прямой, другая сильно наклонилась вниз. Из-за этого, между ними образовалось пространство. На склонившуюся березу можно было удобно сесть, прижавшись спиной к стволу прямостоявшей берёзе, и так наблюдать за рекой. Деревья стояли на самом краю обрыва, который был высотой с двухэтажный дом. Внизу, у его основания, протекала река. Во время весеннего разлива, вода подходила к самому обрыву, а во время отлива возле него лежал песок вперемешку с галькой. Сидеть на берёзе было удобно, но, в тоже время, опасно. Можно было сорваться с неё и, не зацепившись ни за что, упасть в воду или на камни.

– Я когда-то, в детстве, боялась вот так здесь сидеть, – сказала Луша и села на берёзу. – Приходила сюда и могла подолгу смотреть на Волгу, но вот так, – она спрыгнула с дерева, села на землю, поджав одну ногу под себя, и положив руки на склонившуюся берёзу, поставила

подбородок на руки, стала смотреть вдаль. Марк взял её сзади под локти и поднял с земли, поставил на ноги, сказал:

– Я впервые поцеловал тебя здесь. Помнишь?

Она кивнула утвердительно головой, проговорила очень тихо, почти шёпотом:

– Я увидела тебя здесь впервые, с этого места, когда мне было двенадцать лет.

– Как мне хорошо так с тобой, – сказал он, целуя её, – ты что-то путаешься в годах. Ты не могла меня здесь видеть в столь раннем возрасте. Я тебя такой маленькой не видел не разу.

«Господи! Как я люблю его! – думала Луша. – Господи! Как я люблю его!»

Он целовал и целовал её, осыпая лицо, шею, грудь поцелуями. Положив куртку на землю, увлёк её на неё Лушу.

– Марк, Марк, ты что? Увидят.

– Кто? Эти берёзы? Волга?

– Я хочу, чтобы они видели, знали, как люблю я. Люблю тебя! Люблю твои глаза, губы, руки твои ласковые, запах твоих волос. За детей наших люблю тебя, за то, что ты есть, вот такая, на земле этой Волжской – необыкновенная! Люблю землю эту, родившую тебя! Люблю тебя за то, что благодаря тебе имею счастье вот так любить.

«Что это, сон? Продолжение моих мечтаний о нем, и о том, что он должен был мне в них сказать, когда-нибудь. С тех пор, когда я увидела его здесь впервые, не переставала думать о нём. Он всегда был со мной в моих мыслях, мечтах и всё, что я делала в жизни, делала ради этих минут, ради этих слов».

– Ты никогда не говорила мне словами, что любишь меня, но я знаю, что любишь. Я знаю это, знаю, – шептал он ей, осыпая её лицо поцелуями. – Скажи мне сейчас, скажи словами, что любишь. Прошу, я хочу это слышать, скажи мне это здесь.

Никогда не говорила она ему о своей любви к нему, но всей своей жизнью доказывала это и добивалась его любви.

Он взял её лицо в свои ладони и, смотря ей в глаза, снова попросил:

– Скажи мне сейчас, здесь.

Она смотрела на него полными слёз глазами, тихо произнесла:

– Я не знаю, как это называется. Я не знаю, но всё, что я сделала и делаю в жизни это ради тебя и для тебя. Если это любовь, то очень люблю.

– Спасибо, любимая моя, дорогая моя, необыкновенная, чудесная. Счастье моё, радость моя, жизнь моя. – Он говорил те слова, которые она мечтала от него слышать всегда и сейчас слышала.

Четвёртая глава

Лушино детство

Луша была последним ребёнком в семье и единственной девочкой. Три её брата были старше и намного: Николай – на 18 лет, Юрий – на 15, Степан – на 10 лет. Николай и Юрий очень рано, сразу же после армии, женились, уехали из дома. Николай жил в Сибири в городе Красноярске, Юрий в Истре, недалеко от Москвы.

Всё Лушино детство прошло со Степаном, на плечи которого были возложены обязанности няньки и воспитателя. Родители работали в совхозе, приходили домой поздно, и Степану надо было сделать все дела в домашнем хозяйстве, выучить уроки, забрать Лушу из детского сада и присматривать за ней до их прихода. С 10 лет до 16 его никто не видал без Луши. Сначала он её возил в коляске, а потом водил за собой держа за ручку. И чтобы он не делал, её ручонка, почти всегда, была в его руке. Степан не только помогал родителям в домашних делах, водился с Лушей, но и очень хорошо учился. После школы поступил в педагогический институт в Ульяновске. Луше исполнилось шесть лет, когда Степан уехал учиться и родители решили отдать её в школу. Она уже умела, к этому времени, читать и писать. Все надеялись, что Луша будет хорошо учиться, но ошиблись. В первые полгода она действительно всех радо-

вала своими отметками, но к концу года, наоборот, вызывала беспокойство родителей и недовольствие учительницы.

Луша попала в класс, где она одна умела читать и писать. Весь дети работали, а Луша получала отметки за ранее полученные знания. К концу года её все догнали, но и привыкли работать. Она же не привыкла работать и не хотела. «Сидит, мечтает о чём-то на уроках, не вдумывается в материал. У неё нет интереса к учёбе», – жаловалась родителям учительница.

Мать с отцом разными методами пытались заставить дочь учиться, но это было бесполезно. Луша оставалась на осень, и матери и, приехавшему на летние каникулы домой Степану, тоже приходилось заниматься с ней летом, чтобы она перешла в следующий класс. Самые плохие отметки у неё были по русскому языку. Степана она раздражала тем, что всегда невнимательно его слушала и не могла повторить то, что он ей сказал пять минут назад: «У тебя в одно ухо влетает, во второе тут же вылетает» – говорил он ей раздраженно. Матери он сказал:

– Всё! У меня нет терпения заниматься с ней! Надо заставить её хотя бы книги читать и учить стихи. Я ей буду давать задания, а вы проконтролируйте, чтобы читала и учила. Не захочет сама – ремнём заставьте. Иначе она у нас по жизни неучем шагать будет с подойником в руках.

– Ну да, если бы с подойником. Она корову-то не умеет доить.

– Ну, знаете, мама, это уж Ваши проблемы, и думаю, что если Вы её так и дальше баловать, нежить будете, то когда она замуж выскочит, её корову Вы сами доить будете. Надежды, что она на кого-то выучится и будет жить в городе, у меня, лично, никакой нет.

Разговор происходил в присутствии Луши. Она сидела, смотря в окно на куриц, роющихся в ограде и думала: «Курицей, конечно, я не хочу быть, но им лучше: в школу ходить не надо и учить эти дурацкие уроки». Степан дал ей задание, выучить стихи, прочитать книгу, и уехал, пообещав, если она всё выполнит, заберёт её на недельку в город и там сводит в цирк и досыта накормит мороженым.

Книгу Луша прочитала, стихи не выучила. В следующий класс её перевели только по тому, как сказала учительница: «Не хватает духу оставить Орлову на второй год. Надо же уродиться вот такой ленивой и такой способной к математике. Из всех отметок одна хорошая, только по этому предмету, и пятёрка». Математику, как и все предметы, Луша не учила. Она ей была так понятна, что и не надо было учить, а примеры решались сами собой, стоило только взять их в голову и даже писать не надо – ответ готов. Эти способности и «недостаток духа» у учителей спасали её от двухгодичного пребывания в одном классе в начальных классах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.